

„Реформы“ въ колхозахъ

На фонѣ основныхъ противорѣчій сельско-хозяйственной политики коммунизма развѣртывался необычайно сложный узоръ отдѣльныхъ маневренныхъ попытокъ власти какъ-то найти выходъ изъ создавшагося положенія. Я сознательно не буду здѣсь касаться попытокъ деструктивнаго характера: поисковъ классоваго врага, попытокъ переложить вину съ больной головы на здоровую — съ системы коммунизма на остатки капитализма, ссылки, разстрѣловъ и всего прочаго. Буду говорить только о конструктивныхъ мѣропріятіяхъ власти. Эти мѣропріятія можно схематически раздѣлить на политическія, организаціонныя и техническія.

Основная политическая установка власти — установка, которая въ частныхъ бесѣдахъ съ коммунистами высказывалась съ полной ясностью — сводилась къ слѣдующему: не оставить крестьянству рѣшительно никакихъ иллюзій насчетъ того, что онъ какъ-то можетъ обойти власть, какъ-то уклониться отъ выполненія государственныхъ повинностей. Въ схематизированномъ видѣ эта формулировка звучала такъ: или безпрекословное повиновеніе власти — или голодная смерть. Внѣшнимъ выраженіемъ этой политики былъ законъ отъ 7 августа 1932 года — законъ о священной социалистической собственности, устанавливающій только двѣ категоріи наказанія: низшую — заключеніе на срокъ не менѣе десяти лѣтъ, и высшую — разстрѣлъ. Тотъ колхозникъ, который во время сѣва добывалъ изъ сѣялки и жевалъ на ходу священное социалистическое зерно — получалъ десять лѣтъ. Тотъ, у кого находили пудъ этого зерна — подвергался смертной казни. Въ результатъ этого закона населеніе концентраціонныхъ лагерей поднялось до пяти милліоновъ, но хлѣба отъ этого закона не прибавилось ни на копейку. Всѣ остальные политическія мѣропріятія — какъ политогдѣлы, дико распухшая сѣтъ колхозныхъ газетъ, организація клубовъ, новыя переброски на село новаго «актива» — никакого вліянія на ходъ событій не оказали — и постепенно были отмѣнены. Даже примѣненіе закона отъ 7-VIII — или какъ его называли въ лагерѣ «семерка-восьмерка» — было смягчено. От-

голоски этого смягченія дошли до меня уже въ эмиграціи въ видѣ пресловутой «амнистіи» кулакамъ — очень ужъ обезлюдѣла деревня...

Организаціонныя мѣропріятія власти были значительно разнообразнѣе. На первое мѣсто здѣсь нужно поставить переходъ оплаты труда колхозниковъ на сдѣльную систему, — такъ называемые трудовые дни и трудовыя книжки, — о нихъ я мелькомъ писалъ въ очеркѣ «Въ деревнѣ». Населеніе каждаго колхоза было разбито на бригады, каждая бригада получила свой участокъ поля, свой инвентарь и свои спеціальныя задания. Характерный штрихъ — и здѣсь не обошлось безъ «кулаковъ». Кулаки, т. е. наиболѣе работоспособная часть деревни, стали формироваться въ свои, отдѣльныя, «кулацкія» бригады, которыя давали значительно большую выработку, чѣмъ остальные и которыя потомъ раскулачивали обычнымъ путемъ...

Каждый членъ такой бригады получаетъ на руки трудовую книжку, въ которую заносятся данныя о его работѣ, штрафы, прогулы и прочее.

Одно время мнѣ казалось, — какъ и многимъ другимъ, — что эта система внесетъ нѣкоторое улучшеніе въ работу колхозовъ. Крестьянство отнеслось къ этой мѣрѣ болѣе или менѣе сочувственно. Я знавалъ колхозы, гдѣ эта система въ первый же годъ ея существованія дала почти утроеніе продукціи. Это утроеніе нужно принять съ нѣкоторой оговоркой: съ пяти-шести процентовъ довоенной производительности полей колхозы долѣзли до 15-20%. Это преимущественно было въ колхозахъ сѣвернаго района — Карелія, Вологодская и Ярославская губерніи. Подъ Москвой ростъ продуктивности былъ еще выше, — тамъ дѣйствовалъ стимуль близкаго московскаго рынка, — и я знавалъ колхозы, давшіе подъемъ продукціи въ десять разъ... — отъ тѣхъ же 5-6% до 50-60-ти. Но уже на слѣдующій годъ всѣ расчеты на сдѣльщину, на трудовыя книжки, на «новую историческую эпоху въ колхозной жизни», всѣ они рухнули, погребая подъ собою послѣдніе остатки крестьянскаго довѣрія къ обѣщаніямъ власти.

Они рухнули прежде всего потому, что нормы оплаты сдѣльныхъ работъ — поскольку я знаю — не были выполнены нигдѣ, ни въ одномъ колхозѣ СССР. Повторилась обычная исторія: государство было не въ состояніи выполнить своихъ обязательствъ передъ крестьянствомъ и оставить ему ту часть продукта, которая ему была твердо обѣщана. Новый стимуль былъ подрѣзанъ въ первый же годъ его существованія. Психологическое значеніе этого факта было огромно.

Съ этимъ обстоятельствомъ весьма путано и причудливо переплелось другое обстоятельство — техника учета работы. Для того, чтобы читателю стала ясна вся сложность этой техники, я попрошу его представить себѣ реальную обстановку средняго совѣтскаго колхоза, т. е. средней русской деревни, — а эта деревня за время революціи стала на много умнѣе, но не стала ни на копѣйку грамотнѣе.

Въ среднемъ колхозѣ — отъ пятисотъ до семисотъ рабочихъ. Книжки выдаются всѣмъ, включая сюда и дѣтей отъ 8-10-ти лѣтняго возраста. Въ каждой книжкѣ и каждый день должны быть отмѣчены: количество произведенной работы, ея квалификація, ея срочность и срокъ ея выполненія, ея качество, сохранность скота, инвентаря, сѣмянъ и прочаго, огрѣхи, прогулы, штрафы, опозданія и т. д. Системы заполнения трудовыхъ книжекъ мѣнялись нѣсколько разъ. Въ самую упрощенную формулу подсчета «трудоваго дня» входило восемь переменныхъ величинъ. Мнѣ приходилось встрѣчать результаты рѣшенія такихъ формулъ, гдѣ трудодень высчитывался съ точностью до десятичныхъ дробей: колхозница такая-то выработала за такой-то день 0,3295 трудодня...

Само собою разумѣется, что всѣ исходныя величины такой формулы были произвольны: учетъ ихъ не былъ подѣнъ ни какому контролю, точно такъ же, какъ подсчетъ суммарныхъ результатовъ былъ не подѣнъ ни какой колхозной бухгалтеріи, тѣмъ болѣе, что системы мѣнялись нѣсколько разъ и что учетъ приходилось перестраивать, такъ сказать, «на ходу». Всякій мужикъ, само собою разумѣется, считалъ своимъ долгомъ протестовать противъ приписаннаго ему количества «трудодней»: «Иванъ работалъ похуже моего, а у него трудодней больше»; всѣ мало-мальски грамотные въ колхозѣ перебрасывались съ полей въ канцелярію; въ цѣломъ рядѣ колхозовъ «административно-учетный аппаратъ» разбухъ до такой степени, что за бумагами сидѣло чуть ли не бѣльшее количество людей, чѣмъ оставалось на поляхъ; районныя власти обвиняли (и сажали) служащихъ въ волокитѣ и бюрократизмѣ, колхозники — въ путаницѣ и произволѣ, но служащіе были не при чемъ. Вся система вызывала необходимость чудовищнаго разбуханія всяческаго «контроля и учета» («соціализмъ — есть учетъ»), чудовищной растраты человѣческихъ и матеріальныхъ ресурсовъ и въ концѣ концовъ не приводила ни къ чему: въ конечномъ счетѣ власть ни съ какими трудоднями не посчиталась, и, какъ и раньше, просто на просто отобрала все, что можно было отобрать. Вся эта чудовищная машина контроля и учета оказа-

лась и технически невыполнимой и практически безцѣльной: никто не могъ этого учета наладить и никто не посчитался съ его результатами, каковы бы они ни были...

Сдѣльщина оказалась очереднымъ проваломъ на пути организациі коммунистическаго сельскаго хозяйства. Отъ нея впрочемъ власть не отказалась точно такъ же, какъ она никогда не отказывается отъ своихъ цѣлей и методовъ. Она только маневрируетъ. Система трудодней была упрощена и въ значительной степени замѣнена повременной оплатой, съ воздаяніемъ за огрѣхи и прогулы не штрафами, а отсидкой, — отсидка же въ бухгалтерскомъ учетѣ не нуждается, — и центръ тяжести былъ перенесенъ на приусадебные участки.

Зарубежная печать склонна видѣть въ приусадебныхъ участкахъ еще одинъ симптомъ какого-то новаго поворота. Я не буду здѣсь говорить о «поворотѣ», но эти участки — никакой не симптомъ. Ихъ не было въ первый годъ-два коллективизациі, когда послѣдняя казалась такимъ зеркальнымъ, асфальтированнымъ шоссе на пути къ окончательному социализму. Потомъ они стали возникать стихійно. Иногда власть ихъ поощряла, иногда власть ихъ ликвидировала. Бѣлорусскій Наркомземъ сѣлъ in cogroge въ концлагерь за разбуханіе участковъ, Земотдѣль центральной промышленной области получилъ нагоняй за ихъ ликвидацию... Въ Бѣлоруссіи ихъ поприжали, подъ Москвой ихъ расширили, на Дону и на Кубани не знали, что и дѣлать. Подъ Москвой приусадебные участки были заняты огородными культурами въ расчетѣ на сбытъ овощей въ Москву и обмѣна ихъ тамъ на хлѣбъ, что съ ними стало въ Бѣлоруссіи, я не знаю; на югѣ они превратились въ своего рода миниатюрные поля. Въ Сибири, насколько я знаю, изъ нихъ вообще ничего не вышло: въ большинствѣ районовъ населеніе предпочло вернуться къ промысламъ каменнаго вѣка — силковой охотѣ (ружей нѣтъ) и къ рыбной ловлѣ.

Послѣдними мѣропріятіями власть только зафиксировала то положеніе, которое на мѣстахъ создалось уже давно.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мнѣ приходилось сталкиваться съ приусадебными участками, въ нихъ поражало одно — необычайно высокій уровень сельско-хозяйственной культуры. Я убѣжденъ въ томъ, что именно здѣсь и лежитъ та «революція въ сельскомъ хозяйствѣ», которая рѣшительно никѣмъ не была предусмотрѣна и которая окажетъ огромное вліяніе на судьбы будущей Россіи.

Тотъ самый мужикъ, который до революціи съ такимъ скептицизмомъ относился къ агрономической пропагандѣ стараго

правительства — «а мы, какъ дѣды дѣлали», — проявилъ необычайный интересъ къ агротехникѣ. Работать такъ, какъ работали дѣды, было явственно невозможно: у дѣдовъ были десятины, у внуковъ остались сажени. Изъ этихъ саженей нужно было получить все, что только возможно подъ угрозой голодной смерти. Вѣковой агротехнической консерватизмъ деревни сразу взлетѣлъ въ воздухъ. Всякаго рода агрономическая литература, особенно дореволюціонная, рассчитанная на индивидуальное хозяйство, получила необычайный спросъ. На базарахъ въ ЦЧО и на Украинѣ мужики мѣняютъ послѣднюю картошку и послѣдній хлѣбъ на отдѣльные листки старыхъ агрономическихъ руководствъ.

На приусадебныхъ участкахъ культура такого же типа, какая характерна для лѣсовыхъ почвъ Китая: самая скрупулезная, самая тщательная обработка каждаго квадратнаго сантиметра земли. Кустовая культура злаковъ, поиски сѣменного матеріала, удобреніе, обработка, поливка, прополка все это приобрѣтаетъ характеръ лабораторной работы и даетъ чудовищную урожайность. Подъ Днѣпропетровскомъ (б. Екатеринославъ) я попробовалъ подсчитывать урожайность пшеницы на этихъ приусадебныхъ латифундіяхъ, получились цифры 200-270 пудовъ съ десятины — урожай, какихъ въ Россіи не снималъ, въ сущности, никогда и никто.

Попробуемъ на минуту переселиться въ область мечты и представить себѣ, что будетъ съ Россіей, когда существующая власть провалится къ чертямъ и когда освобожденный мужикъ будетъ добывать уже не съ приусадебныхъ участковъ, а со всей посѣвной площади, пусть не 200-250 пудовъ, а хотя бы только 100-150 пудовъ съ десятины вмѣсто прежнихъ 45-50 въ среднемъ. Мы сможемъ насыпать зерномъ новые материки...

Но пока что приусадебные участки создали на селѣ столь же двусмысленное положеніе, какое было въ періодъ НЭПа. Во-первыхъ, сосуществованіе рядышкомъ «частнособственническихъ» клочковъ съ урожаемъ въ 250 пудовъ и «обобществленныхъ» съ урожаемъ въ 25-30 пудовъ создаетъ чудовищный контрастъ. И каждому, самому безмозглому деревенскому коммунисту, начинаетъ приходиться въ голову: нужно бы обобществленное поле ликвидировать совсѣмъ — были бы сыты. Деревенскій активистъ, если и пьянъ почти ежедневно, то сытъ далеко не всегда. Этотъ контрастъ бьетъ въ глаза и мужику и всякой легкой кавалеріи, наѣзжающей на колхозы со всякаго рода огнестрѣльной помощью деревнѣ. Во-вторыхъ, приусадебными участками разрушается та линія партіи, которая заключа-

лась въ попыткѣ отрѣзать мужику всякую возможность не помереть съ голоду внѣ колхознаго рабства. Получилась лазейка. Въ эту лазейку устремлены вся энергія, всѣ помыслы, вся изобрѣтательность мужика. Колхозныя работы стали барщиной въ самомъ неприкрытомъ смыслѣ этого слова. Уже въ періодъ моего послѣдняго пребыванія на югѣ (лѣто 1933 года), на Украинѣ прибѣгали къ старому методу выгона крестьянъ въ колхозное поле вооруженной силой. Крестьянокъ — тѣхъ вообще почти не удается выгонять. И кромѣ того — это очень важный моментъ — базируясь на своемъ пріусадебномъ участкѣ, на куроводствѣ и прочемъ, мужикъ имѣетъ возможность взяткой откупиться отъ любого бригадира, активиста и прочаго начальства. Здѣсь начиналась совершенно невообразимая путаница, я не знаю, какъ съ ней дѣло обстоитъ сейчасъ. Схематически эта путаница развивалась по такой линіи: предсѣдателю колхоза выгоднѣе питаться взятками съ пріусадебныхъ участковъ, чѣмъ своими «трудоднями», которыхъ онъ все равно не получаетъ и которые ему приходится, если можно такъ выразиться, «отворовывать» отъ власти. Получивъ оную взятку и слѣдовательно въ той или иной степени сорвавъ посѣвной и прочіе планы, предсѣдатель колхоза чрезвычайно склоненъ предаться тому пороку «текучести кадровъ», о которомъ я уже писалъ. Текучесть кадровъ имѣетъ такія послѣдствія: пропитавшись одинъ сезонъ въ Голодаевскомъ колхозѣ, предсѣдатель перекочевываетъ въ Разуваевскій колхозъ, тамъ начинаетъ административно неистовствовать — нужно сызнова зарабатывать политическій капиталъ. А какой-то другой предсѣдатель въ то же время и по такимъ же причинамъ неистовствуетъ въ Голодаевскомъ колхозѣ. Не нужно особо поэтического воображенія, чтобы представить себѣ, что изъ этого получается...

И наконецъ, въ-третьихъ, хлѣба и прочаго государству все равно не хватаетъ, а при наличіи и ростѣ пріусадебныхъ участковъ будетъ не хватать еще больше. Что бы тамъ ни говорили объ отмѣнѣ продовольственныхъ карточекъ, но эта отмѣна во всякомъ случаѣ означаетъ сниженіе потребленія хлѣба городомъ, не отъ хорошей жизни отмѣнены карточки. По всей вѣроятности власти придется протянуть свою вооруженную руку и къ пріусадебнымъ участкамъ. Это, конечно, будетъ сдѣлано безъ газетныхъ передовыхъ примѣрно такъ же, какъ это дѣлалось со «свободной» колхозной продажей излишкомъ хлѣба: пріѣзжала кооперация съ ея полутвердыми цѣнами и «уговаривала». Въ уговариваніи принимали участіе и сельсовѣтъ, и милиція и ГПУ. Уговоры дѣйствовали...

Сельскохозяйственный идеал коммунистической партии — это крупное, рационализированное, механизированное сельское хозяйство, обслуживаемое наемным трудом. Организационно — этот идеал уже осуществлен в виде советских государственных имений — совхозов, каковые совхозы именуется «предприятиями последовательно социалистического типа». Типик — не из удачных. Хуже, чем работают совхозы, трудно себя представить... Но к этому типу стремится и «колхозное строительство». Орудиями превращения крестьянского коллективизированного хозяйства, которое де jure является «переходно-социалистическим», являются машинно-тракторная станция — МТС.

Это неплохое изобретение. По своим функциям он напоминает дореволюционные агрономические участки и прокатные станции старого земства. МТС обычно объединяет группы колхозов, иногда и небольшие совхозы, и обслуживает их агрономической помощью, сельскохозяйственными орудиями, тракторами, посевным материалом и в значительной степени являются одним из звеньев чудовищно разбухшей системы контроля над селом.

Сейчас очень трудно сказать, в какой степени идея МТС себя оправдала: в условиях общего краха сельского хозяйства потонули и те отдельные факторы, которые к нему вели, и те, которые его оттягивали. Мне кажется, что в общем работа МТС была все-таки положительным фактором. Если их материальные результаты и были равны приблизительно нулю (качество продукции с заводов сельскохозяйственных машин), то психологические результаты, невидные, но реальные, еще скажутся в дальнейшем развитии России: МТС привили крестьянству совершенно новые для него технические идеи и отчасти и навыки. Здесь, как и в очень многих других областях русской жизни, физические усилия материалистической идеи дали отрицательные материальные результаты и положительные — психологические. Это одна из тех ничем не предусмотренных реакций на советские достижения, которые сейчас накапливаются в глубинах народного сознания, никакой статистикой выражены быть не могут, но которые определяют многое в грядущих судьбах России. В данных политических и экономических условиях все эти культурные, интеллектуальные и психологические сдвиги не могут дать почти никаких реальных результатов.

Официально коллективизация проведена «на все сто процентов» и считается вчера законченной. Фактически же кол-

хозовъ остались очень значительныя крестьянскія массы, которыя частью ликвидировали всякое собственное хозяйство, частью еще удерживаются на единоличныхъ позиціяхъ. Законъ, разрѣшающій колхозамъ въ экстренныхъ случаяхъ пользоваться наемной силой, создалъ еще одинъ парадоксъ колхозной жизни. Мужикъ безмѣрно выгоднѣе работать въ качествѣ «наемной силы», чѣмъ въ качествѣ полноправнаго члена колхоза. Наемная сила получаетъ свой заработокъ на руки и знать ничего не знаетъ. Колхозникъ же иногда кое-что получить, а иногда и не получить ничего. Поэтому Иванъ выходитъ изъ Голодаевского колхоза и работаетъ наемнымъ батракомъ въ Разуваевскомъ колхозѣ. Степанъ изъ Разуваевского точно такимъ же образомъ дѣйствуетъ въ Голодаевскомъ. Образовался весьма значительный слой какихъ-то бездомныхъ и безземельныхъ крестьянъ, которые такъ вотъ и околачиваются по колхозамъ, совхозамъ, МТС, и Богъ ихъ знаетъ, гдѣ еще. При мнѣ въ Каракольскій совхозъ — это къ востоку отъ озера Иссыкъ-Куль въ Средней Азій, въ совсѣмъ ужь безвылазной дырѣ — прибыло пять семействъ бѣлорусскихъ крестьянъ Витебской губерніи. Присились на работу. На работу ихъ приняли. Какъ они попали сюда, я такъ и не узналъ, но до Караколы они косили сѣно гдѣ-то на Памирѣ, а до Памира чего-то околачивались въ окрестностяхъ Барнаула... «Юрьевъ день» паспортизации нѣсколько прикрѣпилъ эти массы къ какимъ-то опредѣленнымъ мѣстамъ, но въ основномъ эта кочевка все-таки продолжается...

Сегодняшнее положеніе въ Россіи вообще, и въ русской деревнѣ въ частности, я бы формулировалъ такъ: совѣтская власть провела еще одну разорительную, но побѣдоносную кампанію. Политическія цѣли, поставленныя передъ коллективизаціей, болѣе или менѣе достигнуты. «Остатки капитализма» выкорчеваны. Лозунгъ «ликвидация кулака, какъ класса на базѣ сплошной коллективизации деревни», болѣе или менѣе проведенъ въ жизнь. Сейчасъ власть закрѣпляется на завоеванныхъ позиціяхъ, нѣсколько подравниваетъ фронтъ, оттягивая слишкомъ далѣко выдвинутые участки и подтягивая отставшіе. Съ одной стороны легализуются приусадебные огороды и съ другой вводятся разстрѣлы для малолѣтнихъ. Въ городахъ идетъ этакая лакировка поверхности социалистическаго общества: нужно показать Европѣ, что и мы, дескать, не сапогомъ сморкаемся. При нѣкоторомъ желаніи во всемъ этомъ можно видѣть эволюцію. При наличіи очень необузданной фантазіи можно увидѣть даже и національное перерожденіе. Но основные факты остаются безспорными и очевидными: ни одной «командной высоты» — ни

идеологической, ни политической, ни экономической власть не уступила. Если и идет «эволюция», то это — эволюция къ коммунизму, а не наоборотъ. Чѣмъ она кончится, этого никому знать не дано. Пророчество — профессія достаточно легкомысленная. Нужно обладать весьма основательнымъ запасомъ оптимизма, чтобы исключить возможность дальнѣйшаго этапа этой эволюціи: перерастанія россійской катастрофы въ мировую. Нынѣшнее положеніе міра не блещетъ ни устойчивостью, ни разумностью. Въ мірѣ тлѣетъ слишкомъ много очаговъ безумія, и всякій такой очагъ Москва будетъ раздувать по мѣрѣ силъ своихъ.

И. Солоневичъ.